

Рецензии

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.6
EDN: YICYBJ

О Максе Вебере с пониманием

Ссылка для цитирования:

Малинкин А. Н. О Максе Вебере с пониманием // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 104–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.6> EDN: YICYBJ

For citation:

Malinkin A. N. (2023) Understanding Max Weber. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 104–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.6>

Малинкин Александр Николаевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: lo_zio@bk.ru

Рецензия на книгу:

Ионин Л. Г. (2022) *Драма жизни Макса Вебера*. М.: РАНХиГС, Издательский дом «Дело», 384 с.

В рецензии на книгу известного российского социолога Л. Г. Ионина о Максе Вебере анализируется суть креативного, нестандартного подхода автора (Л. Г. Ионина) к пониманию героя своего «интеллектуального романа» в контексте его ставшей классической социологической доктрины. Соединяя различные пласты науковедческого и психобиографического подходов, рецензент вслед за автором «исторического романа» пытается найти ответ на вопрос, в чем же состояла истинная «драма жизни» Макса Вебера.

Ключевые слова: Макс Вебер; рационализация; расколдовывание мира; феномен; судьба; любовь; драма

Книга доктора философских наук, профессора Л. Г. Ионина «Драма жизни Макса Вебера» необычна. Причем в нескольких отношениях. Необычны ее жанр, тема и сам авторский подход к теме.

Начнем с жанра. Это не научное исследование, а скорее увлекательный и легко читаемый исторический роман. Но очевидно: чтобы написать такую книгу, автор должен был проделать большую научно-исследовательскую работу. Во-первых, речь идет об анализе источников информации о личной жизни Вебера — по большей части иноязычных биографических исследований, мемуаров, писем. Во-вторых, в книге рассматриваются основные идеи и понятия Вебера (главы 4 и 7) в их авторском понимании и истолковании.

Нельзя не отметить: Л. Г. Ионин настолько превосходно владеет материалом, что рассказывает о сложных, иногда запутанных вещах просто и ясно. Особенно важна седьмая глава, где автор — при явной симпатии к Макс Веберу и с высочайшей степенью деликатности по отношению к нему — показывает читателю: между ним и великим немцем пролегает целая эпоха, позволяющая ему дистанцированно-критически оценить мировоззренческие предпосылки веберовской теории о прогрессирующей рационализации и десакрализации («расколдовывании») мира [Ионин, 2022: 222–223]. При этом обе главы, четвёртая и седьмая, органично вписываются по своей стилистике в текстуальное целое.

Вообще-то читать Макса Вебера в оригинале и понимать трудно, переводить — и подавно. Но и в русском переводе, каким бы адекватным он ни был, Макс Вебер, извините, не подарок. Немецкий ученый обладал юридическим складом ума, писал витиевато и мудрено, выстраивая понятийно-терминологические системы и подсистемы. Все, что можно, старался тут же разложить по рационально-концептуальным полочкам, а что нельзя (пример — «харизма») — стремился поименовать, рационализировать, инвентаризировать. Выскажу предположение, что книга является плодом двадцатилетнего тяжелого труда: воздушное строение «Драмы...» имеет под собой солидный невидимый фундамент в виде четырехтомника «Хозяйство и общество», редактором перевода которого был Л. Г. Ионин.

Внимательный читатель обнаружит в книге несколько относительно независимых пластов литературной реальности, из взаимных соотношений которых автор хитро сплетает ткань своего повествования.

Во-первых, это подлинная реальность, или «историческая вещь в себе». Мы никогда не познаем ее такой, какой она была на самом деле. Только что (или 100 лет назад?) она была, переливаясь всеми красками бытия, — и вот ее нет. Главное, нет тех, кто тогда жил, все эти «краски» видел, чувствовал, размышлял о них. А если кто и есть, то удалось ли ему «остановить мгновение» в документальной форме, зафиксировав все? Вопрос риторический. Остается только верить, что под луной не бывает ничего нового, поэтому нам и позволительно судить о прошлом. Этот пласт реальности полноценно присутствует в книге — то угрюмо молчаливо, то весьма красноречиво. И это ее несомненное достоинство.

Во-вторых, это та часть первичной реальности, которую все-таки удалось зафиксировать документально, пусть отрывочно и приблизительно, случайно или избирательно. На этом уровне работает каждый историк, обращаясь к свидетельствам современников в воспоминаниях и мемуарах, к литературным памятникам, иногда к материальным артефактам. Л. Г. Ионин сделал, кажется, все, чтобы ярко высветить интересующий его фрагмент исторического бытия, ставший, как говорил М. М. Бахтин, «событием бытия» героев «Драмы...» и чтобы преподнести его читателю в интеллектуально проработанном виде. Единственный «упрек» — это отсутствие документальных фотографий героев и мест действия, описанных в книге. Впрочем, автор может рассматривать его как пожелание для второго издания книги. «Картинки», собранные вместе, а не разбросанные по интернету, помогли бы, наверно, молодым читателям осилить много букв в толстой книге.

В-третьих, слой литературной реальности, на котором автор также проявил себя как мастер, — это сравнительный и критический анализ вторичной литературы, то есть биографических источников. Здесь глубокое проникновение в тему, основанное на знании этих источников, идейной истории Германии и Запада в целом, позволило Л. Г. Ионину, насколько я могу судить, выработать собственную суверенную позицию, а также тонкую интуицию — способность отличать верное или искреннее мнение специалиста от политкорректного или мотивированного конъюнктурно, объективную экспертную оценку от предвзятой или тенденциозной, притом что и те и другие основываются на достоверных фактах. Здесь нет нужды приводить подтверждающие примеры — в книге их много.

В-четвертых, высший уровень литературной реальности приоткрывается там, где автор подводит читателя к размышлениям о человеческой судьбе. Он пишет: «В реальной жизни, говорит Вебер, эротическая общность не может быть создана и “легитимирована” (в совершенно неэтическом смысле) иначе как через таинственную *предназначенность* друг для друга — *судьбу* в высшем смысле слова» [Ионин, 2022: 269]. Так говорил Вебер. Но на этих его словах, глубоких и верных (впрочем, были и другие), Л. Г. Ионин строит высший, метаисторический уровень своих размышлений. В частности, когда пишет о «выборе смерти» Максом Вебером.

«Понятно, что “альтернативная история” — сомнительное занятие, но хочется порассуждать, что было бы, если бы Вебер в ситуации жизненного выбора выбрал бы Бонн. Было ли верным его взвешивание шансов и перспектив? С одной стороны, да, оно было совершенно верным. Позже он писал: Бонн “был бы для меня единственно правильным, я это знал”. Он это знал, но выбрал Мюнхен. В качестве альтернативы он мог бы получить раннюю старость, о которой его предупредили врачи, плодотворную работу и спокойную жизнь. Скорее всего, он прожил бы гораздо дольше. Старики ведь живут долго. Но он выбрал позднюю юность, а также риск — русскую рулетку в лице Эльзы Яффе. Можно сказать, что, делая выбор между поздней юностью и ранней старостью, он выбирал в конечном счете свою смерть» [Ионин, 2022: 285–286].

Здесь Л. Г. Ионин демонстрирует не только талант феноменолога, но и *профессиональную интеллектуальную смелость*, которой отличался всегда. Например, когда перевел и под прикрытием Г. В. Осипова опубликовал книгу «Новые направления в социологической теории» (1978). Ее написали молодые американские социологи, открывшие феноменологию для себя, а заодно — при активном содействии Л. Г. Ионина — и для многих советских социологов, в том числе для меня. Или когда написал книгу «Георг Зиммель как социолог» (1981). Однако речь идет не только о выборе тем, которые в брежневском СССР, мягко выражаясь, не очень приветствовались, но и о характере профессионального мышления вообще. Это умение называть вещи своими именами, писать то, о чем многие предпочитают не писать, причем так, что никто не придерется. Сейчас Л. Г. Ионин показал российскому читателю жизнь Макса Вебера с малоизвестной, местами неприглядной житейской изнанки, но так, что классик не лишился своего авторитетного лица.

Четвертый пласт реальности можно было бы назвать «метафизическим», если бы автор не ограничился (как подобает не только феноменологу, но также настоящему драматургу или трагику) показом конкретного реально-исторического *индивидуально-личностного феномена* — *изображением уникальной судьбы выдающегося ученого*, — а рискнул бы сам постулировать что-нибудь морально-философское. Но драма не басня. Достоверно и объективно изображенный *феномен* ценен и сам по себе, и тем, что провоцирует мыслить онтологически. Ибо подлинная феноменология всегда имеет онтологическую подоплеку.

Написал вот и подумал: а вдруг я с моим «предположением», высказанным выше, ломлюсь в открытую дверь? Может быть, Леонид Григорьевич когда-то объявлял о намерении написать книгу о Максе Вебере?

И точно! Стоило немного поискать в сети — и вот результат: интервью профессора Ионина от 25 сентября 2020 года. В конце беседы он сказал: «Приятно думать, что сделал что-то, что останется в истории. Русский Вебер — это то, что остается в истории. Это абсолютная классика, и я этому способствовал, и это приятно. У меня много других книг, но есть некие абсолютные вершины, и это очень важно. (...) Я стал легче писать. Как Вебер. Легкость и уверенность в том, что то, что я пишу — это хорошо. Я больше не боюсь писать. И я хочу написать книжку: идея в том, что в 1919 году он (Макс Вебер — А.М.) оказался в Мюнхене во время Баварской советской республики, и там же оказалась его дама, Эльза, и там все сошлось. В одном месте все важные для его биографии люди, и это был его последний год накануне смерти. Там сошлись такие силовые линии его жизни, что я бы очень хотел написать книгу о Вебере в 1919-м. Это же правда, что Гитлер работал в центральном комитете Баварской советской республики. Там многое сошлось»¹.

В этих важных словах еще нет продуманного замысла будущей книги: работа над ней привела профессора совсем к иному, чем «Макс Вебер в 1919 году».

¹ «Это абсолютная классика»: Леонид Ионин — о социологе Максе Вебере и о том, каково было переводить его главный труд // Научно-образовательный портал НИУ ВШЭ. 25.09.2020. URL: <https://iq.hse.ru/news/-401674782.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Зато в них, в этих словах, чувствуется неодолимый творческий порыв, без которого не может получиться ни одна серьезная книга.

Но вернемся к вопросу о жанре. Если Л. Г. Ионин написал исторический роман, то по своей теме особенный. Речь идет о реальной истории жизни одного человека, описанной вместе с историями жизни родных и близких ему людей. И поскольку перед нами не человек с улицы, а мировая знаменитость, в этом романе не может быть места для вымысла и домысла. Они здесь недопустимы, их никто не простит. Авторскую фантазию ограничивают цепочки достоверно установленных фактов, а также весьма вероятных предположений, если не общепринятых, то разделяемых многими биографами. На протяжении всего изложения автор сохраняет уважительную дистанцию по отношению к действующим лицам «драмы», придерживается строго объективистского подхода к предмету, точности в описании фактической канвы событий.

И все же, несмотря на это, он находит свободное литературное пространство для высказывания предположений и догадок, для прямого выражения своего личного мнения и отношения, пусть и сдержанного, спокойного. Именно это — вкупе с прекрасным русским литературным языком («Я стал легче писать...») — делает книгу не сухо академичной, но живой и занимательной. В таком пространстве полет авторской фантазии, а стало быть и читательской, вполне допустим, и в нем всегда присутствует интрига. Она заставляет мысленно примеривать прочитанное на себя, может быть, с внутренним содроганием искать похожее в опыте собственной интимной жизни или близких людей, а может быть, с искренним недоумением и даже брезгливостью сказать: «Я, конечно, знал(а), что не боги горшки обжигают... Но... такого от Вебера я не ожидал(а)!».

Что это за пространство?

Это сфера сексуальности и эротики, любовной страсти, возбуждаемых ею ревности и зависти, симпатии и антипатии, любви и ненависти. В книге эта тема нашла глубокое отражение, ибо, как выяснилось, не только в нашей с Вами жизни, уважаемый читатель или уважаемая читательница, но и в жизни Макса Вебера половое влечение, вызванные им аффекты и чувства, побуждения и стремления, сыграли большую роль, в чем-то, может быть, определяющую. Здесь трудно отказаться от банальной констатации: ничто человеческое не чуждо и таким высокоинтеллектуальным людям, как Макс Вебер.

Да. Образ немецкого социологического «гуру» у многих изменится. У автора этих строк он уже изменился. В соответствии со стереотипом поп-социологии (термин Л. Г. Ионина), «проповедник рационализма в теории и этического идеала героической аскезы» был и по жизни воплощением этого идеала, то есть сухарем-ригористом. Оказывается, нет: «...Макс Вебер был живым, страдающим, мятущимся человеком и его жизнь определялась не только разумом, но и страстями» [Ионин, 2022: 4]. Чтобы дать понять, насколько широко и глубоко представлена сексуально-любовная тема в книге Л. Г. Ионина, пришлось бы ее пересказывать всю — от начала до конца. Но зачем лишать будущих читателей удовольствия от ее прочтения? Приведем лишь несколько фрагментов из «эпилога». В нем, как говорится, автор превзошел самого себя.

В соответствии с античным смыслом термина «эпилог», Ионин обращается к зрителю «с итоговым разъяснением содержания» и вносит самокритичные — заметим, весьма существенные, — коррективы в созданный им образ Макса Вебера.

Вот ключевые фрагменты эпилога:

«Когда автор перечитал свою книгу... он понял, что что-то не сходится в этом новом портрете героя. <...> Думаю, что его письма, свидетельствующие о безумной страсти к Эльзе, нельзя все-таки воспринимать как таковые без оговорок. Конечно, он испытывал страсть, но он также знал, что испытывает страсть, и знал, что такое страсть, был способен к рефлексии как мало кто другой и не мог потерять своего знания обо всем этом, не утрачивая собственной идентичности. <...> И отсюда все ее (страсти — А.М.) характерные признаки: *патологическая одержимость, идиосинкразия, патологическая нарушение чувства меры и всякой объективной справедливости*. Удивительно, но это есть буквально перечень характеристик Макса Вебера как автора любовных писем к Эльзе... <...> ...Любовная неадекватность Макса Вебера моментами кажется чрезмерной, особенно если учесть, что это не внезапная вспышка страсти, а долгий, десятилетиями длившийся роман. Разве он не видел и не понимал всю условность некоторых своих пылких признаний, упиваясь прелестями и любовной щедростью возлюбленной? Или он обманывал себя... или обманывал ее в страстных письмах?

Гадать об этом можно много... если не понять, что Вебер сам определил и описал природу страстной любви, образцом которой стала его собственная любовь. Мы цитировали это его определение уже не один раз, но повторю вновь: *“чем сублимированное эротические отношения, тем сильнее они особо изошренным образом обречены на brutальность”*. Они неизбежно воспринимаются как борьба, но не только и не столько из-за ревности или соперничества с кем-то третьим, *“сколько из-за глубоко скрытого, поскольку никогда не замечаемого самими участниками изнасилования души менее brutального партнера, как изошренное, симулирующее человечнейшую самоотдачу наслаждение самим собой в другом”*. Ревность и чувство соперничества по отношению к брату Альфреду были налицо в этой истории. Но главное не в ревности, а в том, что даже человечнейшая самоотдача в любой, *особенно* в этой любви означала изнасилование души менее brutального, а в нашем контексте еще и менее рационального партнера. Рационализм в принципе всегда brutален и отбрасывает, как правило, «нерелевантные», неverified тонкости душевной жизни и духа. Великий аналитик Макс Вебер рационально расчленил свою партнершу, наслаждаясь *“самим собой в другом”*, и его субмиссивное поведение в любви оказывалось лишь элементом симуляции *“человечнейшей самоотдачи”*. (...) Поэтому нужно говорить не о мазохизме Макса Вебера, как это делали и делают многие до сих пор, а об изошреннейшем садизме, состоящем в изнасиловании души менее brutального партнера путем *“симуляции” “человечнейшей самоотдачи”*, а также об осознании неизбежности этого внутреннего человеческого конфликта. Сам Вебер не употребляет термин *“садизм”*, он говорит *“brutальность”*» [Ионин, 2022: 358, 359–360, 361].

В чем смысл корректив, внесенных автором в «эпилоге»? Для всех, кто прочитал книгу до конца, ответ ясен: образ Макса Вебера в 1919 году получился очень похожим на образ романтического любовника. Таковым он видится по письмам к Эльзе Яффе, то есть по историческим документам, на которые Л.Г. Ионин только и мог опираться. Однако необходимо учитывать, с одной стороны, стилистику немецкого эпистолярного жанра конца XIX и начала XX веков, с другой — особенности немецкого национального характера.

В первом случае речь идет о велеречивом, возвышенном повествовании, которое в любовных посланиях причудливо сочетается с избыточностью выразительных средств: с неумеренной — на наш русский вкус (даже того времени) — восторженностью, слащавостью, умильностью, часто выражавшейся в применении уменьшительно-ласкательных суффиксов (пример — «мордочка», то есть Марианна Вебер). Так что, когда Макс Вебер обращается к Эльзе «любимая, любимая, любимая», «золотая», «прекрасная» и т. п., то для немца тех времен это совершенно нормально. Это не означает, что он, как «пятидесятилетний юноша», безумно, до потери самосознания влюбился в Эльзу. Нет — просто в начале XX века образованные немцы средних и высших слоев общества в любовных посланиях обычно так писали.

Что касается второго обстоятельства, то обращенные во внешний мир холодная черствость, жесткость, а нередко и жестокость немецкого характера (вспомним бескомпромиссную позицию Макса Вебера в битве с Руге и Кохом, о чем Л.Г. Ионин написал в книге не просто так), — это черты, типичные для тех, кто был воспитан в Германии того времени. И они часто соседствовали с мягкостью, теплотой, великодушием и сентиментальностью в отношениях внутри узкого круга близких людей.

Вообще, нравы первой трети XX века заслуживают отдельного разговора, и Л.Г. Ионин правильно делает, что вкратце рассказывает о них в разных местах, например, когда пишет о родителях и родственниках Макса Вебера, о взглядах на мораль Марианны, о milieu Асконы, о стиле жизни мюнхенской швабингской богемы, а также об экспериментаторе в области «свободной любви» наркомане Отто Гроссе («анархист, еретик психоанализа, сексуальный революционер, патентованный сумасшедший и харизматичный любовник!»).

Эти нравы содержали в себе немало того, что сегодня мы квалифицировали бы как ложь, ханжество, лицемерие, двуличие. Они впитывались с молоком матери и не считались чем-то предосудительным (разумеется, не вообще, а в отношении известных житейских аспектов). Их не замечали, поскольку их как бы и не было — они входили в естественный порядок вещей. В 1914 году Макс Шелер приоткрыл немцам лицемерную подоплеку нравов подданных Великобритании, воспитанных в традициях строгой англиканской морали. Но в начале XX века и образованные немцы, — а они тогда, как известно, во всем подражали англичанам, — не сильно от них отличались.

«В мире нет другой страны, кроме Англии, где эротическое чувство столь изощренно маскировалось бы под другие, неэротические отношения, — писал Шелер, — товарищеские, дружеские, родственные связи разного уровня, под разные формы служебных контактов, отношений учителя и ученика, под

невинную игру *boy* и *girl*, где оно так умело принимало бы защитный окрас этих отношений, причем не только для внешнего мира, но и для самих участников; где эта маска удерживалась бы дольше и с большей цепкостью, достигая с обеих сторон высших степеней эротической близости, и где в то же время именно этим маскарадом наслаждались бы еще как плюсом в дополнение к голой материи ощущений. В этой стране даже лучшие кокетки обязаны выглядеть, как фарфоровые ангелочки и куколки, чтобы стать предметом вожделения и получить оплату за свои услуги» [Шелер, 2022а: 49].

Эти черты проявлялись особенно ярко в отношениях между полами. Л. Г. Ионин упоминает, как Марианна Вебер описывает в мемуарах попытку изнасилования тогда еще совсем юной Елены, матери Макса Вебера [Ионин 2022: 46]. Ее предпринял друг дома литературовед Георг Гервинус, прославившийся благодаря своей пятитомной «Истории немецкой поэзии» (1835–1842). Попытка обесчестить девушку представлена в них как охватившее мужчину «необузданное пламя страсти». Что это, если не рафинированное лицемерие? Л. Г. Ионин совершенно справедливо отмечает, «что такое “возвышение” оказывается одновременно и “извинением” поступка, ибо тем самым вина и ответственность с человека снимаются и перекалдываются на судьбу, богов, другие необузданные и неодолимые силы и т. п. В упомянутом случае (когда возгорелось «пламя страсти») Гервинус, конечно, ни за что не ответил» [Ионин, 2022: 82].

Из протеста против подобных отвратительных явлений, но в первую очередь из борьбы за гражданские, политические, социальные и другие права выросло «женское движение» конца XIX — начала XX веков. (Марианна Вебер принимала в нем деятельное участие.) Оно сопровождалось первой волной «сексуальной революции». Последнюю стимулировали *эмансипационные* идеологии, выстроенные на идеях К. Маркса, Ф. Ницше, П. А. Кропоткина и, разумеется, З. Фрейда. В продолжение приведенной выше цитаты Макс Шелер писал: «Порой трудно удержаться от соблазна всерьез не стать последователем теорий господина Фрейда, — зная даже, насколько они ложны и абсурдны в отношении человеческой природы *in genere*, — и поверить в его учение о “символических действиях”» [Шелер, 2022а: 49].

Леонид Ионин не устоял перед фрейдистским скандалом (как некогда и М. Шелер). Он воспользовался понятийным аппаратом глубинно-психологической доктрины австрийского ученого и диагностировал у Макса Вебера «Эдипов комплекс». Отсюда — тема «отцеубийства» (глава 2). Поздний Фрейд, как известно, выдвинул дуалистическое глубинно-психологическое учение о двух основных влечениях в человеке — либидо и влечении к смерти: не только Эрос правит судьбами людей, но и Танатос. Осмелюсь предположить, что в теме «выбор смерти Максом Вебером» Л. Г. Ионин неявно опирается также и на эту доктрину З. Фрейда.

В самом деле, была ли случайной скорая смерть отца после ссоры с женой Еленой, сыном Максом и супругой сына Марианной? Была ли это просто судьба или это был злой рок — смертельное последствие семейного разрыва, в котором главную роль сыграл именно сын? Очень подозрительное стечение

обстоятельств... К тому же надо учесть, что Макс Вебер вырос «маминим сыном», а супруга стала ему фактически второй мамой (см. в книге фрагмент «Две матери Макса-младшего»). Попадание в ловушку фрейдизма кажется здесь совершенно неотвратимым. Что касается темы «выбора смерти», то и она — при всей нарочитости авторской формулировки — имеет под собой фактические основания в биографии Макса Вебера. И не только в его. Танатос, брат-близнец бога сна и сновидений Гипноса, видимо, тоже унаследовал способность гипнотически воздействовать на людей. Не случайно же попавшие под его власть, особенно мужчины, бессознательно летят к смерти, словно ночные мотыльки на свет...

Глубинная психология З. Фрейда — та часть его взглядов, которая многим кажется наиболее приемлемой. Несмотря на тысячекратно признанную «лженаучность», она вошла в культурное наследие человечества и стала частью обыденного сознания, как народное поверье. Почему?

Потому что не все, на чем стоит клеймо «лженаука», является чем-то заведомо плохим, а тем более ненужным человеку. Во-первых, не все вне-научное и ненаучное (в том числе «лженаучное») антинаучно; во-вторых, не все научное в подлинном смысле научно, поскольку бесконечный научный прогресс перманентно выбрасывает на свалку истории части «подлинно научного» знания, оказавшиеся на поверку не подлинно научными; в-третьих, научно-технический прогресс чем дальше, тем больше создает такие чудовищные иррациональные риски для жизни людей, которые и не снились прошлым эпохам; в-четвертых, не все научное нужно людям. Поэтому, например, искусство, миф, сказка, любовь — не наука, а нужны людям не меньше, чем наука. Если «лженаучная» объяснительная схема имеет практически признанный *modus operandi*, то и пусть «работает» — лишь бы не причиняла вред.

«...Претензии современной науки всеохватны, — справедливо отмечает Л.Г. Ионин. — Довольны мы или не довольны ее результатами, склонность к магической постановке вопросов, к магическим действиям, для современного человека как бы априори предполагает отказ от научного познания и эмпирической ориентации в организации действия. Термины “магический”, “ненаучный” носят оценочный характер. “Ненаучный” означает “неполноценный”, “необязательный”, “не внушающий доверия”, “стоящий на низшей ступени в иерархии форм познания”» [Ионин, 2005: 36].

Но кое-что выглядит парадоксально — и здесь мы возвращаемся к вопросу о необычности подхода к теме в книге профессора Л.Г. Ионина: учение З. Фрейда, — с теоретической точки зрения мифологически-магическое, а с практической, по сути, *колдовское*, — стало в ней методологическим средством интерпретации мотивов «социальных действий» основоположника рационалистической теории «социального действия» и концепции рационалистического «расколдовывания мира». Это обстоятельство может кого-то удивить и даже привести в замешательство. Но только не тех, кто ознакомился со статьей Л.Г. Ионина «Новая магическая эпоха», на которую он ссылается в книге. В частности, в статье говорится:

«Макс Вебер писал, что главной чертой эпохи модерна, когда человек освободился от магии и религиозных суеверий и обрел подлинную автономность в мире, стала именно принципиальная познаваемость мира, то есть потенциальная возможность объективно познать все, что угодно. Это, собственно, и означает “расколдовывание”. Но вопреки оптимистическому взгляду как Вебера, так и множества других мыслителей, наступила пора, как пишет Ю. Хабермас, “новой непросматриваемости” или “непрозрачности”. Непрозрачность — сравнительно нейтральный термин. На самом деле, представляется, можно говорить о новой “заколдованности”, о новой магической эпохе» [Ионин, 2005: 24]. «Усиление роли магического мировоззрения в современном мире побуждается множеством факторов. Прежде всего, к торжеству магии ведет сам неостановимый *прогресс науки и техники*. Станным образом тотальная сциентизация мира сплошь и рядом приводит к результатам, противоположным тем, что имеют в виду ее сторонники» [Ионин, 2005: 23–24].

Невольно возникает вопрос: может ли антисциентистский пафос и дипломатичный несциентистский подход Л. Г. Ионина к интерпретации мотивов создания Максом Вебером его сциентистски ориентированных рационалистических теорий подорвать научную значимость последних? Ответ: конечно, нет. Приверженцам всесия (и засилья) строго научного знания не стоит опасаться. Нельзя недооценивать догматическую крепость мировоззренческих основ современной науки. Ну, а в социально-практическом и организационном отношении она давно превратилась в мощную секту — интернациональную по своей сути, глобально функционирующую, широко разветвленную и узко-специализированную по различным направлениям поиска. Своих «святых», «основоположников» она в обиду не даст. И, как секта, она хорошо защищена: аргументы *ad hominem* в науке не принимаются.

А в жизни или философии? Здесь «бабушка надвое сказала»: «...В жизни гораздо меньше “научности”, чем нам кажется или чем нам хотелось бы, и это означает, что наука вполне в состоянии сосуществовать с другими формами познания, с другими когнитивными стилями и мировоззрениями. Также, очевидно, она может сосуществовать и с магией» [Ионин, 2005: 37]. Теперь становится понятно, почему необычную книгу Л. Г. Ионина интересно читать. В ней есть что-то магическое! Ионинская интерпретация идей Вебера, сохраняющая их аутентичный (имманентный) смысл, волшебным образом поворачивает его в направлении, прямо противоположном тому, который догматически утвердился в западном, да и российском социологическом мейнстриме («поп-социологии»). Вы спросите: как это возможно? Читаем:

«Нужно еще раз повторить за Вебером: борьбу невозможно исключить из жизни общества, и это делает неактуальными доктрины, где современный Запад трактуется как абсолют, которому все остальные страны и регионы должны подражать и к которому покорно адаптироваться, — пишет он. — Поэтому превосходство современного Запада не абсолютно, оно *оспариваемо*, что *предполагается* самой концепцией Вебера. Поэтому она не может служить обоснованием современной геополитической ситуации в интересах Запада. Надо только отказаться при этом от так называемой теории модернизации,

которая предполагает модернизацию целиком, включая как экономику, так и политику (в том числе внешнюю), и от дискредитировавших себя концепций “демократического транзита”, ровно по которым восточноевропейские лимитрофы проследовали напрямиком из Варшавского блока в НАТО» [Ионин, 2022: 231].

Здесь не место для оценки содержательного смысла такой интерпретации (а как хотелось бы воскликнуть: «браво, маэстро!»). Приглядимся более внимательно к ее методу. Объясняя с позиций «новой магической эпохи» идею рационализации Вебера как «идеологию модерна», Л. Г. Ионин демонстрирует поистине «чудесную особенность социологического мышления» [Малинкин, 2022]. Такой тип истолкования «духовных образований» (идей) исторического прошлого К. Мангейм называл «социологическим квазиобъяснением», то есть истолкованием под видом объяснения [Мангейм, 2022: 700–701].

Л. Г. Ионин видит в М. Вебере с его «идеей западного рационализма» одного из «основоположников идеологии модерна» (наряду с К. Марксом, Ф. Ницше и З. Фрейдом) [Ионин, 2022: 229]. «Сверхидею» М. Вебера — идею прогрессирующей тотальной рационализации — он интерпретирует следующим образом: «Вебер пишет: “Люди знают или верят”. Это значит, что расколдовывание основано на вере, на которой, собственно, основана и магия, являющаяся главной мишенью для расколдовывателей» [Ионин, 2022: 223].

В терминологии К. Мангейма это означает: Л. Г. Ионин «функционализирует» смысловое содержание идей Вебера с исторически дистанцированной — и за счет этого *отстраненной и отвнещенной* — социально-бытийной позиции начала XXI века. Она позволяет в идеях Вебера усмотреть не только их имманентный (аутентичный) смысл — то единственное, что могли в них видеть сам Вебер и его современники в начале XX века, — но и их «смысловые бытийные предпосылки». Поэтому она позволяет включить идеи столетней давности в более широкую смысловую взаимосвязь, соответствующую актуально переживаемому культурно-историческому контексту.

В таких синтезах рождаются новые социологические концепции и теории (в данном случае — концепция «*новой магической эпохи*»). Смысл последних поначалу доступен только рассмотрению изнутри, то есть сначала их понимают и истолковывают исключительно имманентно. Но изменившееся по прошествии времени культурно-историческое бытие создаст дистанцию, необходимую для того, чтобы будущие наблюдатели могли рассматривать их также извне. Это сделает возможными новые «функционализации» их смысла, которые позволят увидеть их ранее не просматривавшиеся предпосылки и расценить как «идеологии» благодаря включению в новый культурно-исторический контекст. Так (по гипотезе К. Мангейма) социологическое мышление исторически обновляется через «социологию социологии», хотя и не всегда отдает себе в этом отчет.

Но вернемся к рецензируемой книге, резюмируем сказанное и выскажем предположение.

Создание Вебером идеала «героической аскезы» было мотивировано не столько лицемерием, сколько стремлением честолюбивого ученого

возродить героически-ригористический, рационалистический, нормативистский этос мировоззрений Канта, Фихте, Гегеля, взгляды которых он воспринял через наиболее влиятельную в то время университетскую философию неокантианства. Л. Г. Ионин убедительно показал в своей книге, что Макс Вебер жил не аскетично: умел ценить приятные ощущения и чувственные удовольствия не меньше, чем свои интеллектуальные достижения и духовные радости. Но если в личной жизни он не практиковал «героическую аскезу», это еще не значит, что она как идея сама по себе ничего не стоит и за ней ничего не стоит.

В чем же, собственно говоря, заключалась *подлинная* драма жизни Макса Вебера?

Автор книги как бы говорит нам: да, будучи натурой эгоцентричной, деятельной и страстной, Вебер был воспитан матерью, имевшей французские гугенотские корни, в строгих традициях протестантской морали. Вероятно, такое сочетание пламени и льда и привело к тому, что молодой Вебер изнурял себя сексуальным напряжением так, что в конце концов с ним случилась «страшная болезнь», которая выбила его на несколько лет из колеи блестяще начавшейся академической карьеры и стала глубинной причиной многих проблем его жизни. Она определила его судьбу. Он не мог преподавать и вообще работать, стал почти овощем... Казалось, трагическая развязка уже близка, но «этот колосс» (по выражению преданной супруги Марианны) сумел подняться с колен и восстановиться. Да еще как: поочередно у него появились две любовницы («при живой-то жене!» — сказали бы в СССР), он упорно трудился и добавил к ранее написанной «Протестантской этике...» то, что потом назовут его *opus magnum* — «Хозяйство и общество». Кто еще способен на такое?

Наверно, из этой поучительной феноменологической *экземплификации* каждый извлечет для себя свой урок.

На вопрос, поставленный выше, я отвечаю так: истоки подлинной драмы жизни Макса Вебера следует искать в его борьбе с собственной натурой, в перманентных попытках рационально-волевыми усилиями уничтожить «зло» — извне преодолеть своих внутренних «демонов», подавить, изгнать их, одержать героическую победу и установить над ними полный контроль. Макс Вебер был до мозга костей человеком западноевропейской культуры и западной цивилизации эпохи модерна: перед нами типичный *фаустовский тип личности*. Пусть лишь декларативно, как призыв или воззвание, однако посредством буквы и духа своих трудов он-таки перенес в XX век героически-ригористический, рационалистический и нормативистский этос мировоззрений Канта, Фихте, Гегеля.

Его личный «героизм» проявился в том, что, потерпев в 1898–1902 годах тяжелое поражение в борьбе с «демонами» своей природы, он нашел в себе силы вернуться к жизни и творчеству, добился успеха у женщин и достиг вершин в социально-научном познании. Казалось бы, драма пришла к финалу. Но нет: судя по всему, Макс Вебер не пережил достаточно глубокой личностной метаморфозы, которая могла бы изменить его психосоматику;

поскольку собственная внутренняя природа по-прежнему воспринималась им как объект для установления рационально-волевого господства, постольку драма потихоньку продолжилась. Наверное, ему надо было постоянно доказывать себе (и близким) свою силу как мужчины и подтверждать свои способности как выдающегося ученого.

На основании книги Л.Г. Ионина можно с большой вероятностью предположить, что в конце 1918 года Макс Вебер интуитивно чувствовал, что, предпочитая Мюнхен, он делает экзистенциальный выбор, который способен превратить его судьбу в злой рок. Если на самом деле это было так, значит, он не внял предостережению, посланному инстинктом самосохранения. Был ли выбор Мюнхена подсознательным влечением к смерти (по З. Фрейду)? Может быть. «...Любовь как первоначальная сила образования всех соединений (в пространстве) и всякого размножения (во времени) создает предпосылку “жертвы”, которая суть и боль, и смерть» [Шелер, 2022б: 61].

Итак, драма жизни Макса Вебера заключалась в том, что ему как высокоморальной духовной личности не удалось достичь внутренней гармонии со своей страстной и неумемной натурой. *Он боролся с ней, как герой, но был побежден.*

Литература

Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Логос. 2005. Т. 47. № 2. С. 156–173. EDN: [ХНКЕТV](#)

Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Издательский дом «Дело», 2022.

Малинкин А.Н. Чудесная особенность социологического мышления. (Об основаниях типологии интерпретаций Карла Мангейма) // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 673–693.

Мангейм К. Идеологическая и социологическая интерпретации духовных образований // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 694–719.

Шелер М. (а) К психологии английского этоса и лицемерия / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Шелер М. (б) К феномену трагического. О смысле страдания / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Сведения об авторе:

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: lo_zio@bk.ru. РИНЦ Author ID: 77188.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

Understanding Max Weber

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.6

Book Review:

Ionin L. G. (2022) *The Drama of Max Weber's Life*. Moscow: RANEPА, Publishing House "Delo", 384 p.

Alexander N. Malinkin

Institute of Sociology of FCTAS RAS

E-mail: lo_zio@bk.ru

The book of the famous Russian sociologist L. G. Ionin about Max Weber attracts attention with its unusualness. The review describes various facets of its unusual genre, highlights and examines the levels of the author's consideration of his subject — the personality of an outstanding Western sociologist. It is concluded that the author applied the Freudian methodology to explain the twists and turns in the fate of M. Weber, since they are closely related to the intimate side of his life. The creative approach of L. G. Ionin to understand the hero of his "intellectual novel" in the context of his classic sociological doctrine is analyzed. In conclusion, the reviewer dares to make his own assumptions about what Max Weber's "drama of life" consisted of.

Keywords: Max Weber; rationalization; disenchantment of the world; phenomenon; fate; love; drama

References

Ionin L. G. (2005) Novaya magicheskaya epokha [New Magical Era]. *Logos*. Vol. 47. No. 2. P. 156–173. (In Russ.)

Ionin L. G. (2022) *Drama zhizni Maksа Veberа* [The Drama of Max Weber's Life]. Moscow: RANEPА, Publishing House "Delo". (In Russ.)

Malinkin A. N. (2022) Chudesnaya osobennost' sociologicheskogo my'shleniya. (Ob osnovaniyax tipologii interpretacij Karla Mangejma) [A Wonderful Feature of Sociological Thinking. (On the Foundations of the Typology of Karl Mannheim's Interpretations)]. *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskiy al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac]. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. P. 673–693. (In Russ.)

Mannheim K. (2022) Ideologicheskaya i sociologicheskaya interpretacii duxovny'x obrazovanij [Ideological and Sociological Interpretation of Spiritual Formations]. *Zvuchashchiye smysly: dialog s mirom. Kul'turologicheskiy al'manakh* [Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. P. 694–719. (In Russ.)

Scheler M. (2022a) *K psikhologii angliyskogo etosa i litsemeriya* [On the Psychology of English Ethos and Cant]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.)

Scheler M. (2022b) *K fenomenu tragicheskogo. O smysle stradaniya* [To the Phenomenon of Tragic. On the Meaning of Suffering.]. Transl. from Germ. by A. N. Malinkin. Moscow; Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russ.)

Author bio:

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** lo_zio@bk.ru. **RSCI Author ID:** [77188](#).

Received: 22.12.2022

Accepted: 15.03.2023